

АЛЕКСЕЙ БИБИК

СЛОВО О ШОЛОХОВЕ-СИНЯВСКОМ

На длинной дороге — в каких только ситуациях не побываешь, каких чудес не насмотришься! С какими людьми не встретишься! То, что поярче, рекламно раскрашено, задержит, да и то — на короткое внимание, не успеешь уловить характерный облик, понять, — особенно человека. Только потом, увидя его в далекой уже перспективе, начинаешь взвешивать, определять, — вот так, как я определяю удельный вес писателя Георгия Шолохова-Синявского, а вместе с ним «выходцев из народа» — и тех, что ушли от нас раньше его, не успев развить свое дарование.

Николай Ляшко. Артем Веселый. Валентина Туренская, Илья Чумак и много, много других, уже в начале пути отмеченных как бы роком коварной судьбы.

Казалось, что Егор — крепче других, выносливей, — выдюжит! Выдюжит, и к сегодняшней годовщине, сегодня — покажется нам в полном расцвете своего творчества.

Не «выдюжил!»

Я старше его лет на двадцать пять, и в храм литературы вступил раньше, и раньше познал азы «священной агротехники сочинительства». Вероятно, поэтому ко мне на просмотр попали два-три черновика первых рассказов Георгия Филипповича.

По нахальной привычке я начал было поправлять не только содержание, но и стиль. И вскоре же увидел, что поправлять нечего, что мой карандаш только обидит автора.

Хвалю себя за такое благоразумие, к тому же — какая-то капризная «ситуация» прервала наше общение.

«Суровая Путина» Георгия Филипповича искренне обрадовала, ясно показала, что автор «сам с усам», что его крепкие ноги взойдут и на высшие ступеньки.

В моем книжном шкафу рядом с

книгами В. В. Вересаева. Б. Горбатова, А. Новикова-Прибоя. Н. Ляшко — стоят книги Георгия Филипповича Шолохова-Синявского. Сам он недавно ушел от нас, но к его памяти и книгам как-то невольно обращается мысль, — именно в день Октября, когда происходит обзор наших достижений.

Между Ростовом и Таганрогом край степи сорвался к пойме Старицы Дона, и тут на рваном оползне приютилась под камышовыми крышами, небольшая рыбацкая станица Синявская; в ней, за рядом тополей, железнодорожная станция, у которой останавливаются изредка поезда. Из-за тополей станции, налево, видна крыша рыбзавола, прямо — через ровную, почти всегда зеленую пойму, — прячется в камышах Тихий Дон, а направо, подальше, за дымчатой занавесью того же все камыша, дуплистых верб и лозняка, — Азовское море.

И ни клуба культуры, литкружка, семинара — никакой литпомощи!

Пробежит поезд, разобьет окостенелую тишину, уйдет дежурный, свертывая на ходу зеленый флажок, и о том, что станция не мертва, сообщает лишь стук ключа на аппарате Морзе: то отстукивает соседям депешу белобрысый паренек в немножко щегольском мундирчике с желтой окаемкой, будущий писатель-самоучка Шолохов-Синявский.

Привязанный к аппарату, паренек редко бывает в Ростове или Таганроге, а если и удастся побыть там на часок, то в качестве чужака, до которого никому нет дела.

Но как ни заброшены станица и станция, как здесь ни тихо, телеграфистик чувствует, что где-то, вне этих камышовых крыш, течет особая жизнь, — и большая она, и сложная. Здесь ее сон нарушается стычками в заповедниках рыбаков-крутиев с казачьей охрой. Возбудит, пожалуй, любопытство новая стройка прасолом-пауком кирпичного амбара.

Еще в юности, тычась в работу отца в арендаторских садах и пасаках. Егор настроился на

романтический лад где-то у кого-то подтибренные краски. И кажется, что даются художнику эти характеристики так легко, что просто завидно.

Читая, думаешь: конечно, у такого мастера, как И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, это получилось бы еще выразительнее, но... Хорошо — и даже весьма хорошо! — и так. Произведения Шолохова-Синявского смело можно ставить рядом с книгами больших мастеров.

Возникла мысль: а не потому ли повесть захватывает больше других повестей, что все события, места и люди, среди которых сам автор,— более знакомы и близки тебе?

Но эта, не без коварства мысль гут же опровергалась ответом: а «Волгины?», «Суровая путина?», а «Три брата». «Далекие огни», «Опасный возраст?» В них разве не тот же мастерский почерк? Ведь ты же свидетель того, что писатель перерос, исчерпал свою биографию, подошел к той стратосферической черте писательского труда, за которой начинается творчество выдумки и фантазии.

Писателю так же, как живописцу и композитору, как и всякому творцу, а не просто копировщику, нужны условия быта, позволяющие сосредоточиться, не думать о рынке, иметь доброго друга — и писать, слушая звук каждого слова. И очень важно (для еще не «классика» — в особенности) — найти себя, укрепить веру в свои возможности. Как влага полевому, так нужно писателю внимание общественности, критики, печати вообще. По себе помню, как я допытывался у друзей и критиков: «А вообще-то могу я писать?»

Это — тот самый «зеленый огонек», которого с трепетом ждет не только начинающий.

И вот Шолохов-Синявский, уже настоящий писатель, которому можно и позавидовать, присылает мне авторский экземпляр повести «Горький мед». Заговорили. Я ждал, что я Егор будет радоваться выходу книги, а он печально вздохнул и промолвил:

— А критика-то, «большая печать», — она опять не заметила!

И я понял — как нужно понимать горечь меда: это была горечь — невнимания.

А жаль! При дружеской поддержке Егор огранил бы алмаз своего дарования до еще большего блеска.

На проводах писателя Шолохова-Синявского «мастеров слова» не было. Проводили, а потом справили тризну по нем — те самые отчаюги «крутии», которых Егор так сердечно, по-близкому, запечатлел на страницах своего незаурядного творчества.

Да так оно, пожалуй, вышло и лучше...